

ББК 83.3 (2 РОС = Баш)
УДК 82 (470.57) – 43

Ф. Б. Юнусова¹,
Федеральное агентство научных организаций
Ордена «Знак Почета»
Институт истории, языка и литературы
ФГБУ Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук
Firdaus23@bk.ru

«ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ» В ОЧЕРКАХ БАШКИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ Г. ШАФИКОВА

В этой статье рассматриваются очерки известного башкирского писателя Г. Шафикова, посвященные жертвам политических репрессий. В своих очерках автор широко использует документальные материалы, архивные источники, письма, воспоминания современников и газетные публикации того времени.

Ключевые слова: башкирская литература, публицистика, жанр, очерк, репрессированные писатели, Г. Шафиков

В башкирской литературе публицистика поэта, драматурга, прозаика и переводчика Газима Шафикова получила достойную оценку и признание. Его труды вернули башкирскому народу имена тех, о ком в период «застоя» начинали уже забывать. Это, в свою очередь, оживило и пополнило нашу публицистику, обогатило тематику жанра очерка, расширило его возможности.

30 сентября 1989 года в газете «Ленинец» под названием «Посланник народа» была опубликована его беседа с поэтом И. Киньябулатовым, где Г. Шафиков признается: «Работа в области публицистики дала мне очень много. Ознакомился с множеством архивных материалов, разговаривал с людьми, которые были свидетелями событий в разные периоды нашей истории. Думаю, что все это станет мощным толчком для моих новых произведений».

---

¹ Юнусова Фирдаус Бариевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное агентство научных организаций Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы ФГБУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа

Очерки Газима Шафикова, написанные на основе документальных материалов, объективно рассказывают о трагической судьбе таких известных личностей, как Д. Юлтый, Т. Янаби, М. Муртазин, Х. Давлетшина, М. Бурангулов, открывают новые, малоизвестные страницы их жизни и творчества, позволяют по-новому взглянуть на историю страны, республики, башкирской литературы. Героев этих очерков сближает одно – их жизнь трагически оборвалась вследствие ложных обвинений. Очерки нашли широкий отклик у читателей в нашей республике и получили высокую оценку в литературной среде.

Судьба репрессированных башкирских писателей и общественных деятелей – тема новая и важная не только для Г. Шафикова, но и для всей башкирской публицистики.

В предисловии к книге «И совесть, и жертвы эпохи» (1991) автор пишет: «Сегодня я эти очерки писал бы совершенно иначе, чем писал в прошлом, позапрошлом году. Я не открывал бы истины, которые сегодня кажутся прописными, но в ту пору и для меня, и для других они представлялись откровениями. Хотя бы – жестокости сталинской эпохи. Сломанные, растоптанные судьбы, положение детей «врагов народа»... Многое, многое другое. Тогда, открывая их, я сокрушался, негодовал, каменел от ужаса. Сегодня, касаясь событий того времени, был бы сух, лаконичен, может быть, даже аллегоричен. Несмотря на это, я не стал бы по требованию редактора что-то переделывать, изменять «в свете требований сегодняшнего дня». Потому что они являются документом тех времен. А документы нельзя подделывать и видоизменять. Они ценны своей первозданностью – в них должен биться нерв своего времени, трепетать первоначальная авторская строка» [1, 3].

Судьба репрессированных писателей, деятелей искусства, действительно, была трагичной. Сколько замученных и погибших по ложным обвинениям, доносам! Сегодня уже известно и о других, кто в те же годы, чтобы оправдать и выгородить себя, предавал друзей, коллег, даже родных. Г. Шафиков размышляет: они же предавали сознательно, а разве можно простить это? Об Идрисове, клеветавшем Т. Янаби, автор пишет: «Вскоре и самого Идрисова, решившего доносом на коллег укрепить свое положение, заключили под стражу на десять лет. После возвращения из тюрьмы он остается в одиночестве: теряет семью, друзей, не вызывает в окружающих ничего, кроме ненависти и презрения. В результате он покончил жизнь самоубийством. Кто он – изверг или жертва времени, эпохи? И то, и другое» [1, 4]. Безусловно, очерки автора надо воспринимать в духе того времени, когда они были написаны. Это помогает и самому писателю лучше понять чувства героев очерка.

В очерке «Жертва и совесть эпохи» изображается образ Д. Юлтыя, который во время революции и послереволюционные годы был в центре общественно-политической жизни. Чтобы читатель мог глубже понять эту сильную, неординарную личность, Г. Шафиков подробно останавливается на романе Д. Юлтыя «Кровь», занимавшем важное место в башкирской литературе. Сравнивая это произведение с романом французского писателя Анри Барбюса «Огонь», обращает внимание схожесть их главной идеи: антивоенная. В очерке отмечается, что роману «Кровь» присущ такой душераздирающий реализм, который пока в башкирской литературе не получил широкого отражения. Широкий горизонт видения жизни, потрясающие душу детали, мастерство в использовании художественных средств – все это помогает Д. Юлтыю раскрыть главную идею произведения. Говоря о чертах характера, человечности, светлом нраве Д. Юлтыя, автор приводит воспоминания людей, которые в то время тесно общались с писателем. Например, из воспоминаний Фатимы-ханым, супруги писателя, читатель узнает, что в 1921 г., когда людей косил голод, пришла еще одна страшная напасть – холера. Заболела холерой и Фатима, недавно вышедшая замуж за Дауга Исхаковича. Зная, что болезнь заразная, она просит мужа не подходить к ней, а сама готовится к смерти. Несмотря ни на что, Д. Юлтый три недели не отходит от ее постели, ухаживает за женой, следит, чтобы она вовремя принимала лекарства. И чудо случилось – Фатима-апай поправилась и встала на ноги.

В очерке через воспоминания татарского писателя Наки Исенбета узнаем о патриотических и интернационалистических чувствах Д. Юлтыя: «Доброта и отзывчивость были главными качествами Дауга Юлтыя. Узнав, что у меня нет своего угла, он пригласил к себе домой, где я прожил целый год... Он был демократом в полном смысле этого слова, борцом за человечность, патриотом своего народа...» [1, 11]. В то же время он был лишен какой-либо национальной ограниченности, глубоко уважал представителей других наций, их культуру. Это был воистину интернационалист и широкой души человек.

Надо сказать, что включение Г. Шафиковым в очерк некоторых переведенных им же стихов – естественно и уместно. Например:

Я не Лермонтов, не Пушкин,
Я не Байрон, наконец...
Я простой – из самых нижних
Из пластов земного дна,
Потому для сердца ближе

Песня мне, что дном дана, – писал молодой поэт еще в 1913 году.

А стихотворение самого автора, посвященное Д. Юлтыю, еще больше повышает значимость очерка. Приведем отрывок:

Я говорю: Даут агай... А он
Лет на пять или на шесть меня моложе,
Кто дал мне право прах его тревожить
И рвать из рук НКВД патрон?
Что проку, коль свинец давно истлел
И ржавчиной испепелилась гильза?..
А он успел совершить так много дел,
Что невозможно их составить список [2, 448].

Революционный Башкортостан возвращает много видных деятелей, оставивших яркий след в истории республики: Шагит Худайбердин, Багау Нуриманов, Бахтигарей Шафиев... В последнее время проясняется судьба и Шарифа Манатова, проделавшего значительную работу в решении многих вопросов национальной политики.

Внимание писателя к людям с интересной, трудной, порой трагичной судьбой не случайно. Детство Газима Шафикова прошло в далекой Киргизии, куда в тридцатых годах отец его вынужден был уехать. Так что с малых лет он знал, что отец участвовал в Гражданской войне вместе с М. Муртазиным, дружил с одним из первых руководителей нашей республики – Ш. Манатовым, встречался со знаменитым певцом Газизом Альмухаметовым. Отец рассказывал об известных людях Башкортостана с нескрываемой гордостью и с горькой обидой – о Сталине. Таким образом, Г. Шафиков хорошо знал эти имена, отношение к ним отца, долгие годы носил в своей душе особый интерес к их судьбе.

В период работы в редакции газеты «Ленинец» автор познакомился с дочерью Мусы Муртазина, лауреатом Государственной премии имени Станиславского, режиссером Шаурой Муртазиной. Встречи и беседы с ней помогли собрать новый материал о ее отце. Но для того, чтобы донести до народа правду о генерале, понадобилось много времени и... демократия.

Имя кавалера трех орденов Красного Знамени, героя Гражданской войны комкора Мусы Лутовича Муртазина долгие годы было в забвении. Судьба этого человека вобрала в себя весь клубок противоречий той эпохи, в которой он жил.

В очерке «Для ратных дел рожденный» Г. Шафикова на основе документов, исторических фактов, воспоминаний раскрывается личность Мусы Муртазина, участника Гражданской войны, бесстрашного командира, достойного сына башкирского народа,

оказавшегося очередной жертвой репрессий. Вот отрывок из автобиографии, написанной самим Муртазиным: «...Семья наша была очень бедная, но отец ни за что не хотел отдать нас в работники местным кулакам и богатеям. Он был гордым человеком и предпочитал, чтобы мы хоть впроголодь, в лишениях и недостатках, но жили одной семьей. Он научил нас быть суровыми, гордыми и честными...» [1, 194].

Именно такое воспитание делает Мусу решительным, волевым. Эти качества впоследствии помогают ему вдохновлять людей, пробуждать в них решительность и мужество, готовность идти в огонь и в воду. Автор через события на войне описывает формирование его революционного сознания, личную отвагу и мужество, становление как командира. На Польском фронте «<...> Муса Лутович обратился к своим войскам с простыми, но проникновенными словами:

– Товарищи, это же позор! Никогда не знавший поражений башкирская бригада понесла большие потери. Это пятно на нашей совести, на совести всей Красной армии. Что сейчас скажут о нас? Поклянитесь: победить или погибнуть! Я поведу вас или к новым победам, или я совсем уйду от вас. Я не хочу быть командиром войск, неспособных разгромить белогвардейцев.

– Клянемся! – отвечают ему сотни голосов. – С тобой пойдем и победим! [1, 210]».

Далее автор пишет о том, как после войны Муса Муртазин несколько лет работал на разных должностях на родине – в Башкортостане. Затем поступил в Военную академию, после окончания которой восемь лет, до трагического 1937 года, был начальником 2-го отделения Народного Комиссариата Оборона СССР (НКО СССР). По воспоминаниям дочери Мусы Лутовича, Шауры Муртазиной, он очень любил песни, музыку, с особенным удовольствием слушал народные песни и сам пел хорошо. Всю жизнь был влюблен в мелодии курая. Когда жил в Москве, часто приглашал к себе известных кураистов из Башкирии.

Свой очерк Г. Шафиков завершает следующими словами: «Хотя долгое время имя знаменитого Муртазина было под запретом, но когда-нибудь оно должно было к нам вернуться. И он вернулся... Нам еще многое надо сделать, чтобы его имя Мусы Муртазина не забылось, чтобы снова и снова звучало в устах и сердцах все новых и новых поколений. Это долг нашей совести. Сегодня это так, и в будущем будет так же...» [1, 222].

Личность первой башкирской писательницы Хадии Давлетшиной, завоевавшей народную любовь своим творчеством, и сегодня разносторонне освещается и в литературоведении, и в публицистике: выходят статьи о самой писательнице и ее спутнике

жизни Губае Давлетшине. Ежегодно в Бирской социально-педагогической академии проводятся «Давлетшинские чтения».

В начале 60-х гг. прошлого века Г. Шафиков знакомится с филологом Маратом Мингажетдиновым. Еще в те годы он пробудил в душе писателя интерес к судьбе Х. Давлетшиной. М. Мингажетдинов также публикует в газетах «Совет Башкортостаны» и «Советская Башкирия» (1989) четыре очерка Г. Шафикова о Х. Давлетшиной. Каждый из них посвящен отдельному событию. В этих очерках женщина-писатель предстает перед читателем человеком талантливым, с богатым внутренним миром и непобедимым духом. Автор с восхищением пишет: «Стойкость и терпение этого человека не имели границ; не будет преувеличением сказать, что она обладала мужеством истинного борца и могучей волей альпиниста» [1, 72].

В 2003 г. Г. Шафиков писал: «Мой “публицистический период” начинался с исследования жизни, судьбы и творчества замечательной башкирской писательницы Хадии Давлетшиной. Один очерк тянул за собой другой, открывались неизвестные страницы ее жизни, со всех уголков республики шли письма от тех, кто имел счастье знать Хадью Лутфулловну. Таким образом были написаны шесть очерков, которые печатались в прессе, а затем вошли в книгу «И совесть, и жертвы эпохи», вышедшую в 1989 году».

Надо сказать, что статьи Г. Шафикова о Х. Давлетшиной, обнародованные неизвестные факты личной жизни и новые сведения о литературном наследии писательницы подняли большой шум в республике. Прозвучали и неоднозначные отзывы. Видимо, такая правда, даже по прошествии стольких лет, кому-то не совсем нравилась. Нашлись и такие, кто клеветал на самого автора – Г. Шафикова. А люди все писали и писали. Они не только благодарили, высказывали свое мнение по поводу поднятых писателем проблем, но давали новые сведения, присылали адреса людей старшего поколения – свидетелей этих событий, просили продолжить работу.

Очерк «Дочь Иргиза» автор посвящает личности и творчеству Хадии Давлетшиной, пишет о ней с гордостью и восхищением: «Я начал читать роман «Иргиз» и никак не смог оторваться. Да, завораживающие названия, медленно нарастающий сюжет, вешними водами разливающиеся песни с диковинными словами... Но не они владели мной. С первых строчек меня околдовал язык романа, характеристику которому я не хотел бы давать – любые эпитеты покажутся, с одной стороны, слабыми и блеклыми, с другой – выпренными и высокопарными. Скажу лишь одно: такого башкирского языка мне не приходилось до сих пор встречать. И это – святая правда» [1, 53]. Роман Х. Давлетшиной «Иргиз» дает повод гордиться историей своего народа, его языком, и его огорчает уровень

произведений авторов, которые плохо владеют родным башкирским языком. «И красота, и биение сердца святой и чистой душой дочери башкирского народа, истинной народной писательницы Хадии Давлетшиной – в ее произведениях, вдохновенном романе “Иргиз”» [3, 248].

Г. Шафиков, признанный очеркист, и при описании жизни и творчества Х. Давлетшиной придерживается фактов, изучает множество исторических документов.

Через некоторое время после ареста как «врага народа» мужа, Г. Давлетшина, подходит очередь и самой Х. Давлетшиной. По документам, хранившимся в архиве Государственной службы безопасности, можно судить о том, как Х. Давлетшина держалась перед сотрудниками НКВД на допросах, ее ответы свидетельствуют о твердой гражданской позиции. Документы показывают, что в такой трагической ситуации писательница оставалась честным и порядочным человеком.

Х. Давлетшина была осуждена на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Она подала апелляцию в прокуратуру Башкортостана, в которой сообщила, что ее муж преданный партии коммунист и ей ничего неизвестно о контрреволюционной деятельности мужа, и просила отпустить на свободу. Ей было отказано... Освободилась она в 1942 году, из Темлага в Уфу добиралась целых восемь дней. Вернулась Х. Давлетшина совершенно больным человеком. Жить в Уфе ей было запрещено, и она уехала в Бирск. Но какие бы трудности ни пережила, чем бы ни занималась, она духовно не сломилась. Бумага о ее невинности приходит в Бирск только в 1954 году, к сожалению, через два года после ее смерти. Известная писательница, труженица, преданная дочь своего народа при жизни так и не дождалась доказательства своей верности народу и партии. Подводя итоги, автор пишет: «Каждый раз, когда пишу очерк о Хадии Давлетшиной, говорю себе: «все, этот последний». Однако жизнь подбрасывает все новые материалы, устоять перед которыми бывает просто невозможно. И я снова берусь за перо. Впрочем, разве это не важно не только для светлой памяти писательницы, но и для всей нашей башкирской литературы?» [2, 391].

Надо сказать, какой бы очерк Г. Шафикова ни взять – об известном народном сэзне, писателе Мухаметше Бурангулове, прошедшем сталинские тюрьмы, после репрессии до старости вынужденном смотреть через тюремные окна («Он сберег память народную»); мужественном, талантливом писателе Тухвате Янаби («Противостояние»); крупном ученом-тюркологе, государственном деятеле Ахмет-Заки Валидове («У истоков автономии»); впитавшем народное творчество в душу, разум и дух свой фольклористе-ученом, обладателе многогранного таланта Мухтаре Сагитове («Фольклорист –

имя ему»); талантливым поэте Рами Гарипове («Важнее плоти дух поэта»); известном писателе Фарите Исангулове («Незабвенный фантазер»), – автор всегда подходит к теме со всей ответственностью, выглядит готовым ответить за каждое свое слово, чтобы полнее и всесторонне показать своего героя, опирается на документы, исторические факты и воспоминания. Переработав «сухой» фактический материал, поднимает предмет своего исследования на художественную высоту, добивается развития интересных, поучительных, назидательных сюжетов. Поэтому у него нет повторяющихся сюжетов.

Публицистика сделала Г. Шафикова известным исследователем-журналистом. Из-под его пера вышли смелые слова об известных личностях нашей республики, невинно пострадавших и преследованных в период культа личности. И, наконец, читатель смог узнать всю правду о них. Подход к этой теме, приемы раскрытия образов, работа с архивными документами и т.д. – все это, в свою очередь, привнесло новизну в башкирскую литературу, публицистику и особенно в жанр очерка.

Литература

1. Шафиков, Г. Г. И совесть, и жертвы эпохи / Г. Г. Шафиков. – Уфа: Китап, 1991. – 224 с.
2. Шафиков, Г. Г. Крючья под ребро / Г. Г. Шафиков. – Уфа: Китап, 1993. – 480 с.
3. Шакуров, Р. З. Знаменитые башкиры / Р. З. Шакуров. – Уфа: Башк. кн. из-во, 1998. – 304 с. (на башк.яз.).

"VICTIMS OF REPRESSION" IN ESSAYS OF THE BASHKIR WRITER G. SHAFIKOV

F. B. Yunusova

Abstrac

This article examines the essays of the famous Bashkir writer G. Shafikov, dedicated to the victims of political repression. In his essays the author makes extensive use of documentary materials, archival sources, letters, memories of contemporaries and newspaper publications.

Keywords: Bashkir literature, journalism, genre, essay, repressed writers, G. Shafikov

Поступила в редакцию 8.06.2018